

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ВАРЯ,
ВАДИК И НИКИТА

1. ДВОЕ НА ДЕРЕВЕ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

О чём думал Вадик, карабкаясь на дерево посреди поля? О свежем запахе ячменя после ночного дождя? О влажной коре, прилипающей к рукам и оставляющей серые следы на коже? О муравьях, прячущихся в щелях этой коры, как путники в горных ущельях, когда над ними проносится зимняя буря? Или о том, как не ободрать колени о зубья сучков, выпирающие из ствола старой ивы?

Я вам скажу. Он думал о том, что Смирнова ненормальная. И собака у неё психованная. И вся семейка у них, наверное, такая. Впрочем, будем честны: всё это Вадик подумал, когда уже засел метрах в четырёх над землёй, в уютной расселине ствола. Внизу бесновался рыжий бигль Смирновой, а рядом бушевала сама Смирнова.

Бигль Рыжик прыгал, Смирнова тоже. Бигль лаял, Смирнова ругалась. Бигль скрёб ствол лапами,

Смирнова кидалась ветками и комьями грязи и, кажется, рычала. Совсем дикая.

С другой стороны в расселину вполз Никита. Он припал к стволу, тяжело дыша, и взглянул на Вадика. Тот сочувственно посмотрел в ответ. Никите повезло меньше. На старте их забега от бешеной Смирновой и её бигля-идиота Никита влетел в тракторную колею на краю поля. Её раскатала кавалерия на квадраках из военного городка, а потом весь июнь старательно наполняли дожди. Никита назвал это уникальное гидрообразование — Грязеро. Так вот, обычно, особенно в дождливые дни, они обходили Грязеро по плотной травянистой обочине, но тут бигль слева, Смирнова справа, а под ногами влажная трава и скользкая глина.

В общем, Никита улетел в Грязеро, Вадик его вытянул, но они потеряли темп и еле успели добраться до ивы-спасительницы.

— Ты как? — спросил Вадик, хотя и так было понятно. Никита по бёдра был покрыт красивым ровным слоем жидкой глины. Кое-где она уже начинала подсыхать, менять цвет и трескаться.

Никита пожал плечами.

— Норм, — сказал он. Лицо его постепенно бледнело, румянец отступал. Вообще Никита не очень хорошо бегал. Совсем нехорошо, если честно. Но тут выложился.

— Ничего, — подбодрил Вадик. — Глина — это ничего. Высохнет, отстанет. Даже для кожи полезно. Девки специально мажутся. От прыщей.

Никита дёрнул плечом. Видимо, слова Вадика его не очень подбодрили.

По стволу ударила палка.

— Как думаешь, она скоро свалит?

Вадик глянул вниз. Меньше всего Варя Смирновой подходила её фамилия. Вадик подумал, что ей подошла бы какая-нибудь другая. Варя Танос, например. Или Варя Ивангрозная. Варя Аттилова тоже ничего. Рыжая, как её бигль, растрёпанная девочка зыркнула на них тёмно-серыми глазами и потянулась за очередной деревяшкой.

— Где она столько веток нашла? — Никита вжался в ствол, когда мимо просвистел сук.

— А это мы на костёр натаскали, — напомнил Вадик. — Хотели палить вечером.

— Точно.

Никита выглянул.

— Дура! Ты долго будешь ещё? Вали домой!

Варя не ответила — она сосредоточенно раскапывала старое кострище.

— Чего это она... — пробормотал Никита, но Вадик дёрнул его, и вовремя — осколок бутылки шваркнул по дереву совсем рядом.

— Ты охренела?! — заорал Вадик.

— Нет, — спокойно сказала Варя. — Это вы охренели.

Пацанов хотелось прибить.

Серьёзно, Варя рассматривала варианты с членовредительством и смертельным исходом. Допустим, гроза. Мальчики под деревом. Молния в дерево. Два тельца на поле. Вся Гуляй-Гора в трауре. Варя бросает горсть земли. Комья стучат по крышке гроба (пусть их похоронят вместе: как косячили при жизни, так и после смерти будут неразлучны). Итак, комья стучат, матери рыдают, отцы сжимают кулаки и сворачивают горлышки водочным бутылкам. С неба дождь — Бог тоже плачет. И Варя в чёрном платье с чёрным зонтом и с Рыжиком на чёрном поводке над могилой. Её напутственное слово этому кораблю, отплывающему в вечную жизнь. Её слова, как маяк, ведущий к свету.

— А не хрен было уток с гнезда сгонять.

И кирпичом по гробу, то есть по стволу.

— Да кому они вообще нужны, твои утки, дура припадошная! — завопил Никита.

— Я всё видела! — заорала в ответ Варя. — Вы их утащили из гнезда!

— Мы спасали их! — крикнул Никита. — Там псина была! Она их чуть не сожрала.

— Идиоты! — Кирпич долбанул по стволу, парней обдало красной крошкой. — Вы же их руками брали!

— А чем надо было — ногами? — спросил Вадик.

— Их теперь мать не примет. — Варя поникла. — Они теперь человеком пахнут.

Она потянулась за очередным кирпичом. «Вот, Смирнова, нет у тебя друзей, и неудивительно», — подумала Варя. Все люди — идиоты.

Тут порядка ради, конечно, стоит оставить наших героев и рассказать, как всё начиналось. Проследить цепь событий, приведших Вадика с Никитой на дерево, а Варю превративших в богиню мщения. Даже удивительно, из каких мелочей зарождается неукротимая лавина событий.

Всё началось три недели назад, и началось на удивление хорошо. Настолько, что Варя решила, что в этом году лето не пройдёт под девизом «Караул, мы всё проспали, срочно несите пледик и дневник печальных впечатлений».

В начале июня, когда школа разжала хватку и выпустила порядком измочаленную Варю из своих липких челюстей и тентаклей до следующего учебного года, она приехала осваивать их новый дом в коттеджном посёлке Спас-Салем на границе Московской и Калужской областей.

Красота. Небо — хоть ковшом черпай, река — хоть ведром пей, леса, поля, за лесом объездная трасса, а за ней неведомые голубые дали Калужской области.

И дом, и посёлок, и Варвара были в этих краях новичками.

Посёлок построили на месте брошенных колхозных земель около пяти лет назад. Местные даже крикнуть не успели, как в один момент ушлый застройщик выкупил пустующее кукурузное поле, зараставшее берёзками после кончины местного совхоза «Красный коммунар», обнёс его бордовым профнастилом, столь радующим взгляд всякого проезжающего, поставил столбы освещения, отсыпал дорогу, нарезал землю на квадраты и прямоугольники и принялся застраивать их каркасными домиками, отличающимися только расцветкой и формой балконных балясин (застройщик непременно хотел балясины и балкончик на втором этаже — мезонин, чтоб чай на закате пить). Дома, впрочем, поставили балкончиками не на запад, а на юг, так что счастливым владельцам предполагалось пить чай с видом на трассу, по которой в сторону Дебряново тяжело шли фуры. Но это не беда, за свои десять соток с крыжовником бледные горожане были готовы простить и шум, и неидеальный вид на дорогу. В довершение установили на въезде арку с витой надписью из чёрного кованого железа «Спас-Салем» в духе готических поместий из дешёвых сериалов и выставили участки на продажу.

А Варины родители купили этот самый дом с мезонином прошлой осенью, когда папа Саша, разработчик программного обеспечения для всяких умных теплиц и агроферм, вдруг понял, что выезд во все тёплые страны, где он привык с семейством зависать на полгода, оказался из-за ковида закрыт. Единственными вариантами были Турция или Грузия, но папа выбрал родимые осины и купил коттедж в новом посёлке Спас-Салем. Двести квадратных метров, вода, электричество, газон, садовые качели, пластиковые гномы в красных колпачках, светодиодные фонарики, мангал и симпатичные ворота на въезде.

И вот Варя приехала осваивать их плантацию, пасти садовых гномов, качаться на качелях и всячески прожигать жизнь. Мама, конечно, ей в дорогу увязала килограммов двадцать книжек для летнего чтения, но Варя даже не собиралась открывать этот чемодан. О нет, у неё были другие планы на дальнее Подмосковье. В первую очередь на флору и фауну, которая ей попадётся на исследовательском пути, — Варя была готова на что угодно, даже на внедрение в термитник или сообщество голых землекопов. Да уж, если бы она обнаружила в Московской области этих африканских грызунов, её бы на биофак МГУ без экзаменов приняли. Упорства у Варвары было хоть отбавляй.

А что вы хотите — всё-таки три года занятий в кружке юных биологов в Московском зоопарке даром не проходят.

Весь год Варя жила в состоянии дятла под кофеином: биокружок, акробатический рок-н-ролл, математика с репетитором, шахматы и флейта, так что, когда всё это внезапно летом кончилось, первую неделю она просто лежала и рассматривала форму вагонки на потолке. Удивительно, как отличается одна доска от другой, приглядитесь при случае. У каждой свой характер, свой особый рисунок, своя текстура. Своя судьба, в конце концов.

Потом Варя начала лениво изучать дом и весь посёлок. Хотя, положи руку на сердце, исследовать особо было нечего. Типовые каркасные домики, палисандровые и голубые, голубые и палисандровые, доски, краска, профнастил. И много белой щебёнки, которая скрипела под кроссовками и немилосердно пылила.

Из культурных объектов имелся магазин «Магазин» с двадцатью сортами пива и кофемашиной, в которой всё время кончался карамельный сироп. Да-да, здесь имелась кофемашина, потому что коттеджный посёлок был рассчитан на блогеров на гироскутерах, а те без кофе жить не могут. Правда, кто, кроме Вари, пил карамельный латте,

совершенно непонятно, потому что популяция блогеров в округе стремилась к нулю, а обитатели посёлка большей частью днём сидели по своим норкам и выходили на улицу после заката солнца, как вампиры-пенсионеры. И к их услугам как раз имелось двадцать сортов хмельного и пенного, а также кальмар соломкой и равнодушная сухая корюшка.

Из живой природы, к которой Варя тяготела, в посёлке наблюдались два утомлённых жизнью серых пса, которые лежали у домика охраны, где обитал охранник Виталич (именно так, без имени и фамилии, его именovalo всё население посёлка) — седобородый лысый мужичок в тельняшке, бриджах и шлёпанцах.

Собаки и Витальчик смотрели на мир одинаково флегматично, и даже жизнерадостный бигль Рыжик, которого Варе при первой же встрече пришлось прибрать на поводок, вывести их из этого состояния не мог.

Первая неделя тюленьего отдыха прошла как рубанок по евровагонке — без единой запинки, и Варя с удивлением начала понимать, что жить за городом очень даже неплохо. Было здорово сажать с мамой зелёную грядку и рассказывать об особенностях цветения лука. Было весело гулять с Рыжиком по посёлку, накручивая круги

по одинаковым кварталам, и подмечать различия человеческого общежития, которые постепенно прорастали сквозь асфальт коммерческой застройки. Один их сосед высадил вдоль забора чахлые ёлочки, другой вымостил подъезд жёлтым битым кирпичом, третий и вовсе выкрасил забор триколором и воткнул российский флаг прямо в мезонин. Было клёво жарить с папой сыр на мангале, перед этим вынимая оттуда пластилин, который накидал младший брат Егор. Нормальная жизнь подростка — где-то между депрессией и психозом, на зелёном острове дачной стабильности.

Но тут случилось ЧП. У кошмарного исчадия ада, пришедшего на эту землю, чтобы мучить Варю под видом её младшего брата Егора, заболел зуб. Егорище своим воем поставил на уши весь дом, и мама умчалась в Москву лечить его клыки у проверенного врача Вахи Георгиевича.

Когда мама уехала, всё как-то стало рассыпаться. Она будто была железным ядром планеты, вращение которой создавало магнитное поле. Бабушка повадилась ходить по знакомым подругам — тут у них удивительно быстро сформировался возрастной кружок по интересам «Тем, кому за...», а папа заперся в комнате и сказал, что выйдет на свободу только дня через четыре, потому что

«проект не клеится, котёнок, мы никак не можем отладить этот чёртов уровень влажности в теплицах».

А потом его и вовсе вызвали в Москву, так что перед Варей распахнулся огромный захватывающий мир ничегонеделанья. Первозданный огромный континент безделия.

Но Варю Смирнову, дочь программиста и арт-директора издательства, так просто лень одолеть не могла. Она была готова к испытаниям. Она знала, куда судьба её закинет. Ещё в Москве Варя погуглила посёлок Спас-Салем, попросила папу накатать карт, и теперь пришло время исследовать окрестности более тщательно.

Посёлок обступали распаханые поля ещё сохранившегося совхоза «Призрак коммунизма», два довольно крупных леса — в одном пряталась бывшая военная часть, в другом, огромном, обозначенном как особая природоохранная зона, по словам местных экспертов, имелось сфагновое болото (Варя сделала пометку в блокноте). Ещё рядом была коровья ферма, развалины старой усадьбы помещика графа Курёхина, россыпь деревушек, несколько мелких речек (ещё одна пометка), а также несколько прудов. Ближайший безымянный водоём был как раз между посёлком и деревней Гуляй-Гора.

Вот туда Варя и решила прогуляться в тот день, когда впервые встретилась с Никитой и Вадиком. Сказала бабушке: «Я погулять», та лишь кивнула, поглядывая в телевизор и нарезая лук. Варя схватила поводок, свистнула Рыжика, и поминай как звали.

2. БИГЛЬ РЫЖИК НАВОДИТ СУЕТУ

Поскольку посёлок был обжитой, его обитатели уже протоптали тропки, как муравьи, в обход официальных трасс. Пробили где надо двери в сплошном заборе и ходили короткими путями и на речку, и на автобусную остановку, и в лес за грибами. Администрация посёлка это самоуправство не одобряла, особенно огорчался сторож Виталич, потому что такие проходы низводили его роль до говорящего придатка к шлагбауму, который он открывал утром и запирали вечером. Двери периодически заделывали, но против стихийно выражающей себя воли народа идти было совершенно невозможно.

Таким полулегальным выходом Варя и воспользовалась, чтобы выбраться за пределы посёлка. Миновала по деревянному мостику осушительную канаву, похожую на крепостной ров, прошла берёзовую рощицу. И окунулась в простор полей, клещей раздолье. К клещам она была готова — не пер-

вый день в поле. Штаны, репеллент и суровый вид. Белое носить, «да» и «нет» не говорить — и ни один клещ не прицепится.

Рыжик летел вперёд, размахивая ушами, как вертолёт при взлёте, распугивая кузнечиков. Варя шла следом, изучая растительный и животный мир Подмосковья. Это ли не красота! Едва выйдя за порог, она тут же идентифицировала четыре растительных эндемика: лютик, остролист, иву серебристую и ещё синюху голубую. Иву, остролист, лютик Варя легко опознала, а вот с синюхой помогло мобильное приложение «Паганель». Отличная штука: фотографируешь неведомую фигню, загружаешь и сразу получаешь ответ с привязкой к местности. «Вы только что сфотографировали иксодового клеща, надеюсь, он вас не укусил» и всё такое.

Рыжик резвился и скакал, как кенгуру, а не приличная породистая собака. Никакого почтения к родословной, которая, между прочим, восходила ко временам короля Артура, у него не было.

— Твои предки древних британских лис гоняли, — укоряла его Варя. — Возможно, вступали в бой с викингами. А ты от жабы шарахаешься.

Рыжик не выражал никакого стыда, он веселился. Залезал под каждую корягу, совал нос во все норы и отнорочки, нырял в поросшие осокой ов-

ражки, откуда с шумом улетали ржанки, мелькая пёстрыми крыльями с золотистыми крапинами.

Едва заметная тропа вела Варю краем заросшего разнотравьем поля. Небо, синее и жаркое, висело перевёрнутой чашей, в которой застыл раскалённый солнечный зрачок. Где-то в этом слепящем мареве, над её головой, тенькал жаворонок, но разглядеть его было невозможно. Ветер гулял над полем, пригибая травы прозрачной ладонью, обдавал Варю запахами и пылью. Кузнечики орали, как в последний день Помпеи. Вдали синел лес — тот самый, природоохранный, с болотами и мхами. Поле загибалось вниз и упиралось в лесополосу, вьющуюся по оврагу.

Варя спустилась ниже, и жара отступила, поднялась над ней, как зыбкий полог. Дышать стало легко и свежо. По дну овражка тёк небольшой ручей, Рыжик радостно запрыгал по влажному песку, покрутился, сунулся в заросли осота и помчался вверх.

Варя отогнала наглого комара, аккуратно перешагнула ручей, стараясь не запачкаться — глинистая почва берегов была распахана протекторами велосипедов и квадроциклов.

Видно было, что тут катаются много и часто. Варя слышала и видела, как парни проносились группами по двое-трое на краю посёлка. Крутили круги на полях и исчезали за лесополосами.

Откуда эта кавалерия приезжала, Варя понятия не имела и особо узнавать не хотела. Главное, чтоб её не переехали, пока она гуляет, и на Рыжика не накатились, а там пусть гоняют.

Собак, кстати, кажется, что-то нашёл — вон лает, разоряется.

Она преодолела короткий подъём по холму и наконец увидела Гуляй-Гору.

Поле плавно уходило вниз, и деревня спускалась по нему неторопливыми шагами домов. Там, впереди, на карте значилась синяя лента реки Берёзовки, в которую деревня Гуляй-Гора своим противоположным концом и упиралась.

Рыжик между тем совсем разбушевался, и Варя поспешила на шум, размышляя, откуда взялось такое странное название деревни. Она обогнула куст ракиты, с которой сорвалась и полетела прочь стая бабочек-капустниц.

— Рыжик, чего ты... — Варя осеклась. Бигль, поджав хвост, мчался к ней, а за ним бодро скакала белая коза. За козой неслись два парня примерно её лет. На их лицах читался охотничий азарт.

Бигль спрятался за спиной хозяйки, обиженно подвывая. «Ах ты, скотина ушастая!» — Варя бы сама с радостью удрала, но позади Рыжик, отступать некуда.

Коза мчалась к ней, не сбавляя ход. Поводок, прицепленный к ошейнику, хлопал по пухлым бокам. Жёлтые глаза горели яростным огнём, рога были размером с кавалерийский палаш, борода тряслась, и в целом было ясно, что сейчас Варя будет испытывать боль и унижение. Если только не предпримет ничего экстраординарного.

Варвара стремительно выхватила из сумки бутылку воды и, когда коза была на расстоянии вытянутой руки, со всех сил выдавила струю воды прямо в зловещую бородатую морду. Эффект, как говорится, превзошёл ожидания. Коза упёрлась в землю всеми четырьмя ногами и с изумлением вылупила на Варю глазища.

— А ну, отвали! — заорала Смирнова и стукнула её пустой бутылкой по носу. Коза издала потрясённое меканье и попятилась. Пацаны застыли как вкопанные. Рыжик одобрительно тьякнул. Коза обтекала.

— Это... ты зачем Аглаю обижаешь? — хрипло спросил парень повыше, худой, светловолосый и темноглазый. Он прихватил козий поводок и намотал на кулак. — Ты вообще знаешь, что это премиальная коза?

— Какая? — опешила Варя.

— Рекордсменка, — подтвердил второй парень, темноволосый и коренастый. — Первое место по району по надоям.

— Ну я вас поздравляю, — холодно сказала Варя. — А зачем она к моему псу полезла?

— Она полезла?! — изумился худой. — Аглая паслась, травку ела, никого не трогала. А твоё чудо ушастое на неё накинлось.

— И вы её с поводка спустили, да? — догадалась Варя.

— Да ладно, — примирительно сказал коренастый. Ему, видимо, не хотелось ссориться. — Все же целы.

— Ничего не ладно, — обиделся худой. — Аглая — коза породистая, нервная. А она ей в морду водой. А если она испугалась и больше доиться не будет? Это ж какой убыток!

Варя фыркнула и тоже взяла Рыжика на поводок.

— Вот когда перестанет, тогда и приходите. Я там живу.

Она махнула в сторону лесополосы. Парни переглянулись.

— Ты из посёлка? — спросил коренастый. — Меня Никита зовут. А это Вадик.

Варя подумала немного, стоит ли заводить знакомство с подозрительными козовладельцами, но потом кивнула.

— Варя, — сказала она. И добавила: — Вы уж простите, Рыжик — скотина невоспитанная.

— Аглая тоже, — хмыкнул Вадик. — А чего ты делаешь?

— Изучаю живую природу, — объяснила Варя и с большим удовольствием прочла короткую лекцию о природе Подмосковья.

Так и стали проходить по полям её походы — вместе с Никитой и Вадиком. Егорушка вылечил зубы, но умудрился вместе с мамой подхватить ковид — так что они остались в Москве на карантине. Папа с красными глазами выходил из кабинета, чтобы перехватить бутерброд и завалиться обратно в болото своей необъятной работы — его компания сдавала большой проект агрофирме «Веснушкины луга». На сочувственные Варины вопросы он отвечал:

— Ох, трудно, Варя, работу одному тащить из болота.

И исчезал в кабинете.

Бабушка её не напрягала, и Варя была вольна как ветер.

Обычно после завтрака она уносилась в поля со смартфоном, куда папа ей закачал кучу разнообразных карт. Закачивал он карты по принципу «чтобы было», поэтому среди прочих у неё были историческая карта усадеб Подмосковья, геологических аномалий, дозиметрическая карта Московской области, карты генштаба Царской армии Россий-

ской империи и атлас обеспеченности сельского населения библиотеками и клубами от 1983 года. Но Варя это не волновало, она скрыла все ненужные слои и оставила обычную карту с треками маршрутов. Она была свободна в своих исследованиях, и руки чесались сделать какой-нибудь проект. Вот только хотелось бы с кем-то обсудить житие юного биолога. Но чат в телеграме «Животные», который кружковцы запустили в этом году, совсем заснул. Только Антон постил бесконечные цветочки и коровок на альпийских лугах, потому что уже третью неделю бродил с родителями по Кавказу где-то в районе Фишта. Вика ушла на дно где-то у бабушки в Ленинградской области, а Семён отвечал на её восхитительные лютики односложными «ага». Варя остро нуждалась в публике, потому что бабушка при рассказах о живой природе делала заинтересованное лицо и телевизор погромче, а с папой вообще разговаривать бессмысленно, если ты не оденешься в костюм переменной. Так что единственными невольными слушателями стали Никита с Вадиком. Это было не так уж плохо — оказалось, что она неплохо умеет объяснять, а парни слушали с редким для их возраста интересом.

— Вообще ты лучше, чем наша училка, — заметил Вадик после того, как Варя на пальцах рас-

толковала ему про фотосинтез — не специально: «Привет, Вадик, какой чудесный день, давай расскажу тебе про хлоропласты и молекулы АТФ. И Аглаю води сюда, ей полезно послушать», а так, к слову пришлось.

Так прошло полторы недели — Варя реализовывала свой открывшийся талант лектора и всё больше расширяла маршруты вокруг Спас-Салема. Она заглянула и на ферму (но быстро сбежала — любовь к живой природе была не так сильна, как запах навоза), уже несколько раз наведалась в ближний лес и внимательно исследовала одну из мелких речушек, прячущихся по оврагам меж полей. Там были рачки, мальки, а ещё мимо пробегала лиса, но Рыжик её спугнул.

Потом Варя на пруду нашла утку! И гнездо. И утят, совсем мелких, только-только вылупившихся. Они были смешные и пушистые. Варя тут же начала вести дневник наблюдений за уткой (кряква обыкновенная, если вам интересно). Вот из-за этой чёртовой утки она с парнями и поссорилась. И ведь показывала им это гнездо, и рассказывала, что птенцов надо беречь и не тревожить! А тут приходит и видит, что они набрали их в охапку и тащат куда-то. Да ещё улыбаются как идиоты. Поэтому она и схватила палку, чтобы научить их уважать личные границы крякв. Вот так ребята

оказались там, где оказались: парни на дереве, а она — внизу.

Хотелось плакать. Почему у неё всё не как у людей? Что в школе, что тут, что этот чёртов кружок. Нигде ей места нет, никто её не понимает.

3. ПЕРЕМИРИЕ, КОТОРОЕ ОЧЕНЬ СТРАННО ЗАКОНЧИЛОСЬ

— Варька, хорош уже! — заорал Никита. — Мы честно не хотели их трогать!

— Спасали мы их, дура! — добавил Вадик. — Там псина была!

Варя тяжело дышала, опустив руку с кирпичом. Рыжик лаял как подорванный, скакал и махал своими дурацкими ушами.

— Идите вы... идиоты, — устало сказала она.

— Не будешь больше кидаться? — Вадик опасно высунул голову.

— Не буду. — Варя выкинула кирпич и села, обхватила колени. Рыжик замолк, подбежал и сунулся к лицу слюнявой мордой. Варя отпихнула его — отстань, мол, без тебя тошно. Она будто осыпалась внутрь себя. Опять накосячила, долбанутая Смирнова.

— Ну мы тогда слезаем, да?

Варя махнула рукой — делайте что хотите. Вадик осторожно полез вниз, а следом за ним и Никита.

Вдали послышался звук мотора. Где-то в полях пылил мотоцикл.

Вадик добрался до последней широкой ветки, зацепился руками и спрыгнул вниз. Подошёл (но не слишком близко) к Варе.

— Ну ты даёшь... — сказал он. — Из-за утят...

— Иди ты, дурак. — Варя отвернулась. Смотреть на него сил не было.

— Никитос, ты там как? — поднял голову Вадик. — Чё застрял?

— Нормально, — коротко ответил Никита. Он спускался медленно, нащупывая мысками сучья, и старался не смотреть вниз.

— А чего копаешься?

— Живот... болит, — выдохнул Никита. Ему и правда было хреново как никогда. И живот крутило, и всё тело ломало.

— Вот, застрял чего-то, — сочувственно сказал Вадик, поглядывая на Варю. Та коротко посмотрела наверх и отвернулась. Загнала, значит, на дерево и не смотрит. Понятно, куда им, с их рылом-то, к городским...

Никита обнял дерево, прижавшись щекой к шершавой коре. Руки била крупная дрожь. Мимо по своим делам бежал муравей — деловой и сосредоточен-

ный. Ему бы кепарик, совсем серьёзный товарищ будет. Он бы точно не парился, что эта рыжая в сторону смотрит. Хотя, может, и хорошо, что в сторону, — не видит, как он тут раскорячился. Никита с тревогой понял, что с его телом и правда что-то не так. Он никогда не боялся высоты. Он сто раз залезал на эту иву. Так какого чёрта с ним сейчас случилось? Это из-за Смирновой? Как там говорила Варя: слово королевы для муравья закон? То есть не слово, а феромон королевы. Да какая она королева... какой он муравей... чего-то у него мысли путаются.

— Может, помочь? — встревожился Вадик.

— Да щас я... — Никита окончательно разозлился. И на себя, и на Варю, и на Вадика с его суетливыми вопросами. Он торопливо опустил ногу вниз, зацепился ею за сук... точно зацепился, вот, он его чувствует. Отпустил ветку и сполз вниз, обнимая ствол.

— Не туда... ногу не туда! — крикнул Вадик.

В глазах у Никиты потемнело, подкатила невыносимая тошнота — он разжал руки и упал спиной вниз, прямо на старое кострище, откуда Варя выковыривала кирпичи.

— Никита, ты как? Никита!

— Помер, что ли? (О, это Вадик, добрый мальчик.)

— Щас врежу, сам помрёшь!

(А это, понятно, Варя.)

Мальчик открыл глаза.

— Живой, — выдохнул Вадик.

— Что болит?! Руками пошевели! Ноги чувствуешь?! — Варя отодвинула его и склонилась над Никитой. — Корнеев!

— А, больно же! — заорал Никита. — Ты зачем меня за попу щипаешь?

— Проверяю чувствительность! А на этой ноге?

— Да больно же! Вадик, убери эту садистку!

— Дурак, я тебя спасаю!

— Я из-за тебя навернулся, дура!

— Не вставай, у тебя позвоночник может быть повреждён!

— Да в норме я! — Никита сел, судорожно ощупывая себя. Улетел он знатно, но вроде бы ничего не сломал. А вот дрожь и белые точки перед глазами никуда не пропали.

— У вас тут ритуальные убийства? Мы помещали?

Варя обернулась. И как они не заметили подъехавший квадроцикл? Заляпанный грязью жёлтый аппарат был похож на агрессивную земляную осу. За рулём сидел долговязый белобрысый парень. Из-за его спины выглядывала девушка в джинсовом комбинезоне, панамке и синих солнечных

очках. Волосы у неё были длинные, каштановые и текучие. Варя поморщилась — никогда таких девчонок не любила. По её опыту, всякая девчонка, которая заморачивается с тем, чтобы отращивать волосы ниже плеч, опасна. Если ей хватает терпения таскать такую палатку на голове, мыть и ухаживать за ней, можно представить, на что она ещё способна. За спиной у девочки был аккуратный кожаный рюкзачок, на руке фитнес-браслет, и Варю совсем закачало. Единственное, что делало это создание похожим на человека, так это пятна травяного сока на комбинезоне и грязь на кроссовках, розовых, как пяточки котёнка.

— Помощь нужна? — спросил парень.

— Да нет, всё нормально. — Никита улыбнулся, но тут же поморщился. Присмотрелся к парню. — Антон, ты, что ли? Федотов? Обалдел по полю катать? Арам-агроном, если увидит, прямо тут закопает.

— А кто ему скажет? — усмехнулся парень. — Привет, Никит. Вы чем тут занимаетесь?

Мальчики задумались.

— Несчастный случай, — быстро сказала Варя. — Никита вот сорвался.

Никита поймал взгляд Антона, развёл руками — да вот, сорвался.

— А ты ему помогала спускаться, ага, — саркастически сказал Антон. — На всё поле было слышно.

Варя, покраснев, встала. Отряхнулась, подцепила шлейку и подтянула Рыжика, который обнюхивал колёса квадроцикла.

— Пора нам.

— Да и нам тоже, — сказал Вадик и протянул руку, помогая Никите встать.

Тот поднялся, но едва выпрямился, как его вновь повело. Он замотал головой, сделал шаг.

— Никита, ты как? — встревожился Вадик. Он подскочил к другу, взял за плечо. С другой стороны Никиту подхватила Варя, а он выбросил руку и опёрся об иву.

Едва пальцы его коснулись шершавой коры, произошло нечто необъяснимое. Стало очень тихо. Ветер, шептавшийся с зелёным морем ячменя, стих. А потом Варя вздрогнула — Никита почувствовал это по её пальцам, которые сжали его плечо. Он обернулся.

Огибая старую иву, вверх по склону, сквозь зелёное поле, медленно приближалась полоса. Казалось, нечто массивное движется, раздвигая стебли ячменя и приминая их к земле. Нечто невидимое. В звенящем шелесте злаков эта полоса обогнула иву, прошла мимо Вари, Никиты и Вадика, мимо Антона и девочки на квадроцикле и пошла дальше, вверх по склону.

И едва полоса миновала дерево, как он увидел, что в воздухе над бороздой в море ячменя про-

ступает силуэт. Сперва зыбкий, а потом всё более плотный, явный. Чёрный конь выходил из воздуха, воплощаясь на глазах. На его спине сидел белоголовый мальчик в тёмных штанах и белой рубашке. Он небрежно управлял конём чуть заметными движениями ног.

Солнце сместилось, теперь оно висело не над головой, а прямо над полем, било в глаза, вынуждая щуриться и отворачиваться.

И поле, само поле будто вставало на дыбы, с каждым шагом коня оно становилось всё круче, загибалось перед ними неприступным зелёным склоном горы, по которому неторопливо продвигались чёрный конь и белоголовый всадник. Вот они добрались до вершины. Остановились, охваченные пламенем солнца... И исчезли.

Ветер ударил в лицо, овеял, зашумел, зашептал. Вернулись и звуки, и запахи, и солнце вновь сияло, где ему должно сиять, и поле было прежним.

Несколько мгновений никто ничего не говорил. Потрясённые, они не смотрели друг на друга, а отводили глаза, пытаясь успокоить разум движением трав и шёпотом ветра.

— Это чего такое... — нарушил молчание Вадик.

— Я сваливаю, — очнулся Антон. — Ты как? — обернулся он к пассажирке.

Девочка что-то неслышно буркнула, Антон кивнул, включил зажигание и рванул к краю поля. Никита, Варя и Вадик смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Грохот мотора почти разрушил странное гипнотическое состояние, в котором они находились, но что-то незримое висело в воздухе, что-то завязывалось в невидимые узлы. Рыжик залаял, и ребята очнулись.

— Мы тоже пойдём... — быстро сказал Вадик. Он подхватил Никиту. — Двигаем, Ник.

Никита взглянул на девочку и пошёл, мерно переставляя ноги.

Варя хотела что-то сказать, но не смогла. Девочка опустила руки и просто смотрела, как друзья уходят по прокатанному в ячмене следу. Налетел ветер, закружился вокруг, и ей стало зябко, несмотря на жару. Она поёжилась и пошла вслед за парнями быстрым шагом. Рыжик бежал чуть позади. Пару раз он обернулся, недоумённо поводя носом, но потом припустил за хозяйкой.